

БРАТЯ ВИЛЬГЕЛЬМ И ЯКОБ ГРИММ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Молоко любимой женщины. Л. Сумм 11

СКАЗКИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. ПОЛЕВОГО

1. СКАЗКА О КОРОЛЕ-ЛЯГУШОНКЕ, ИЛИ О ЖЕЛЕЗНОМ ГЕНРИХЕ	19
2. КОШКА И МЫШКА	23
3. ПРИЕМЫШ БОГОМАТЕРИ	25
4. СКАЗКА О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ, КОТОРЫЙ СТРАХА НЕ ЗНАЛ	30
5. ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ	38
6. ВЕРНЫЙ ИОГАНН	40
7. ВЫГОДНЫЙ ОБОРОТ	48
8. ДИВНЫЙ МУЗЫКАНТ	53
9. ДВЕНАДЦАТЬ БРАТЬЕВ	55
10. ВСЯКИЙ СБРОД	60
11. БРАТЕЦ И СЕСТРИЦА	62
12. КОЛОКОЛЬЧИК	69
13. ТРИ ЧЕЛОВЕЧКА В ЛЕСУ	74
14. ТРИ ПРЯХИ	79
15. ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ	81
16. ТРИ ЗМЕИНЫХ ЛИСТИКА	90
17. БЕЛАЯ ЗМЕЯ	93
18. СОЛОМИНКА, УГОЛЬ И БОБ	97
19. О РЫБАКЕ И ЕГО ЖЕНЕ	98
20. ХРАБРЫЙ ПОРТНЯЖКА	106
21. ЗАМАРАШКА	114
22. ЗАГАДКА	123
23. СКАЗКА О МЫШКЕ, ПТИЧКЕ И КОЛБАСКЕ	126
24. ГОСПОЖА МЕТЕЛИЦА	127
25. СЕМЬ ВОРОНОВ	131
26. КРАСНАЯ ШАПОЧКА	133
27. БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ	137
28. ПОЮЩАЯ КОСТЬ	140
29. ЧЕРТ С ТРЕМЯ ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСКАМИ	142

30. Вошка и блошка	149
31. Безручка	150
32. Ганс-разумник	156
33. Три языка	159
34. Умная Эльза	161
35. Портной в ряю	164
36. Скатёрка-самовёртка, золотой осёл и дубинка из мешка . .	166
37. Мальчик-с-пальчик	175
38. Свадьба лисички-сестрички	181
39. Домовые	184
40. Жених-разбойник	188
41. Господин Корбес	192
42. Черт в кумовьях	193
43. Госпожа Труд	196
44. Смерть в кумовьях	197
45. Мальчик-с-пальчик в пути	199
46. Диковинная птица	203
47. Сказка о заколдованном дереве	207
48. Старый султан	215
49. Шесть лебедей	217
50. Шиповничек	222
51. Найденышек	226
52. Король Дроздовик	228
53. Снегурочка	233
54. Котомка, шляпёнка и рожок	242
55. Хламушка-крошка	247
56. Милейший Роланд	250
57. Золотая птица	253
58. Собака и воробей	261
59. Муженек и женушка	264
60. Два брата	269
61. Мужичонка	289
62. Царица пчел	294
63. Три перышка	296
64. Золотой гусь	299
65. Пестрая шкурка	304
66. Невеста зайчика	309
67. Двенадцать охотников	310
68. Вор и его учитель	313
69. Иоринда и Иорингель	315
70. Три счастливого	318
71. Шестеро через весь свет пройдут	321

72. Волк и человек	326
73. Волк и лисица	327
74. Лиса и госпожа кума	329
75. Лиса и кошка	330
76. Гвоздичка	331
77. Догадливая Гретель	335
78. Старый дед и внучек	337
79. Русалка	339
80. Сказка о кончине курочки	339
81. Брат Весельчак	341
82. Ганс-Игрок	349
83. Счастливиый Ганс	350
84. Ганс женится	355
85. Золотые детки	356
86. Лисица и гуси	361
87. Богач и бедняк	361
88. Певун и прыгун-жаворонок	365
89. Гусятница	371
90. Молодой великан	377
91. Земляной человечек	384
92. Король с золотой горы	388
93. Ворона	394
94. Мудрая дочь крестьянская* ¹	399
95. Старый Гильдебранд*	401
96. Три птички	404
97. Живая вода	408
98. Доктор Всезнайка	414
99. Дух в склянке	416
100. Чертов чумазый братец	420
101. Медвежник	424
102. Корольк и медведь	428
103. Сладкая кашаца	430
104. Разумники	431
105. Сказки об уже	434
106. Бедный батрак и кошечка	436
107. Два странника	440
108. Ганс-ежик	449
109. Саван	453
110. Вор в терновнике	454
111. Ученый егерь	459

---

¹ Сказки, отмеченные звёздочкой, перевёл К. Савельев.

112. ЦЕП С НЕБА	464
113. КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТКИ	465
114. СМЕТЛИВЫЙ ПОРТНЯЖКА	472
115. ОТ СОЛНЦА ЯСНОГО НИЧТО НЕ СКРОЕТСЯ	475
116. СИНЯЯ СВЕЧКА	477
117. СВОЕВОЛЬНОЕ ДИТЯ*	481
118. ТРИ ФЕЛЬДШЕРА	481
119. СЕМЕРО ШВАБОВ	484
120. ТРИ ПОДМАСТЕРЬЯ	487
121. БЕССТРАШНЫЙ КОРОЛЕВИЧ	490
122. ОСЕЛ-ОБОРОТЕНЬ	494
123. СТАРУХА В ЛЕСУ	501
124. ТРИ БРАТА	504
125. ЧЕРТ И ЕГО БАБУШКА	506
126. ВЕРНЫЙ ФЕРЕНАНД И НЕВЕРНЫЙ ФЕРЕНАНД	510
127. ЖЕЛЕЗНАЯ ПЕЧЬ	514
128. ЛЕНИВАЯ ПРЯХА	519
129. ЧЕТВЕРО ИСКУСНЫХ БРАТЬЕВ	521
130. ОДНОГЛАЗКА, ДВУГЛАЗКА И ТРЕХГЛАЗКА	525
131. КРАСОТКА КАТРИНА И ПИФ-ПАФ-ПОЛЬТРИ	531
132. ЛИСИЦА И ЛОШАДЬ	532
133. ИСТОПТАННЫЕ БАШМАКИ	533
134. ШЕСТЕРО СЛУГ	538
135. БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ НЕВЕСТЫ	543
136. ЖЕЛЕЗНЫЙ ГАНС	548
137. ТРИ ЧЕРНЫЕ ПРИНЦЕССЫ	556
138. КНОЙСТ И ТРОЕ ЕГО СЫНОВЕЙ*	558
139. ДЕВУШКА ИЗ БРАКЕЛЯ*	559
140. ДОМАШНИЕ СЛУГИ*	559
141. ЯГНЕНОЧЕК И РЫБКА	560
142. ГОРА СИМЕЛИ	561
143. НА ПУТИ НА ДОРОГЕ	564
144. ОСЛИК	565
145. НЕБЛАГОДАРНЫЙ СЫН	568
146. РЕПА	569
147. ПОМОЛОДЕВШИЙ СТАРИК	572
148. БОЖЬИ ЗВЕРИ И ЧЕРТОВЫ ЗВЕРИ*	573
149. ПЕТУШЬЕ БРЕВНО	574
150. СТАРУХА-НИЩАЯ	575
151. ТРОЕ ЛЕНТЯЕВ	575
151А. ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕНИВЫХ СЛУГ	576
152. ПАСТУШОНОК	578
153. ЗВЕЗДЫ-ТАЛЕРЫ	579

154. УКРАДЕННЫЙ ГРОШ	581
155. СМОТРИНЫ	582
156. ОТБРОСЫ	582
157. ВОРОБЕЙ И ЕГО ЧЕТВЕРО ДЕТОК	583
158. ЗАГАДОЧНАЯ СКАЗКА	585
159. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ МЕШАЙ	585
160. СКАЗКА О СТРАНЕ НЕБЫВАЛОЙ	586
161. БЕЛОСНЕЖКА И РОЗОЧКА	587
162. УМНЫЙ СЛУГА	594
163. СТЕКЛЯННЫЙ ГРОБ	594
164. ЛЕНИВЫЙ ГЕЙНЦ	600
165. ГРИФ-ПТИЦА	602
166. СИЛЬНЫЙ ГАНС	608
167. БЕДНЯК НА НЕБЕ*	614
168. ТОШАЯ ЛИЗА	615
169. ЛЕСНОЙ ДОМИК	616
170. ВСЕ ПОРОВНУ	621
171. КОРОЛЕК	621
172. КАМБАЛА	624
173. ВЫПЬ И УДОД	625
174. СОВА	625
175. ЛУНА*	627
176. ВРЕМЯ ЖИЗНИ	629
177. ПРЕДВЕСТНИКИ СМЕРТИ	630
178. МАСТЕР ПФРИМ*	632
179. ГУСЯТНИЦА У КОЛОДЦА	636
180. НЕРАВНЫЕ ЕВИНЫ ДЕТКИ	645
181. РУСАЛКА В ПРУДУ	646
182. ПОДАРКИ МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ	651
183. ВЕЛИКАН И ПОРТНОЙ	654
184. ГВОЗДЬ	656
185. БЕДНЫЙ МАЛЫЙ В МОГИЛЕ	656
186. ИСТИННАЯ НЕВЕСТА	659
187. ЗАЯЦ И ЕЖ	666
188. ВЕРЕТЕНО, ТКАЦКИЙ ЧЕЛНОК И ИГОЛКА	670
189. МУЖИК И ЧЁРТ	673
190. КРОШКИ НА СТОЛЕ*	675
191. ЗНАМЕНИЕ ГОСПОДНЕ*	675
192. ИСКУСНЫЙ ВОР	676
193. БАРАБАНЩИК	683
194. ХЛЕБНЫЙ КОЛОС	693
195. МОГИЛЬНЫЙ ХОЛМ	694
196. СТАРЫЙ РИНКРАНК	698

197. Хрустальный шар	700
198. Девушка Малеев	702
199. Сапог из буйволового кожи	708
200. Морская свинка	711

ЛЕГЕНДЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. ПОЛЕВОГО

201. Золотой ключ	717
202. Двенадцать апостолов*	717
203. Старец в лесу	718
204. Роза	721
205. Бедность и смирение ведут к спасению	721
206. Бог накормил	722
207. Три зеленые ветви	723
208. Старушка	725
209. Мальчик в раю	726
210. Ветка орешника	727

ПРИЛОЖЕНИЕ

Немецкие легенды

Легенда о Гамельнском Крысолове. В пересказе К. Савельева	731
Волшебный сундучок** ¹	740
Волк и лошадь**	741
Владычица королевства Глубоких Долин**	742
Глухие пастухи**	749
Жадный пастор**	751
Золотой ключик**	754
Как старик в школу ходил**	754
Кто лучше совет**	756
Как дочь короля все вокруг видела**	758
Как сын крестьянина королем стал**	761
Купец-медведь**	766
Лесная дева и Златовлас**	770
Пегий баран**	774
Поваренок**	776
Семерых девиц краше**	782
Силач Вила**	786
Три свидетеля**	790
Умные головы**	793
Черт-молотильщик**	794
Шлариффия — страна дураков**	797

¹ Сказки, отмеченные двумя звёздочками, перевела Л. Брауде.

ПРЕДИСЛОВИЕ

МОЛОКО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ

огда в постсоветской России впервые появилось белое полусладкое из регионов Рейн-Гессен и Реунгау, продавалось оно под именем «Молоко любимой женщины». Однако «любимой женщиной» в Германии называли ту, к кому итальянцы обращаются «моя госпожа», «мадонна». Видимо, сказалась разница традиций: в России вино кажется не слишком-то уместной темой, когда разговор идет о Богородице (хотя не она ли напомнила Сыну в Кане Галилейской, что свадебным гостям может не хватить радостного напитка). Вот и из собрания сказок и детских легенд братьев Гримм еще в дореволюционных переводах была изгнана детская легенда «Стаканчик Богородицы». Чтобы нумерация все-таки совпала, составители дореволюционных сборников переносили в легенды «Золотой ключик», которым братья Гримм неизменно заканчивали раздел собственно сказок (ведь это явно не христианская легенда, а притча о чтении), а на место последней, двухсотой сказки ставили какой-нибудь дополнительный вариант, не попавший в окончательное собрание сочинений. В советское время, естественно, отпали и все «детские легенды» с их христианскими мотивами, но теперь они вернулись, и нам по-прежнему не хватает той давно потерявшейся легенды. Приведем ее целиком здесь, чтобы сборник пришел в точное соответствие с немецким каноническим шестым (1850 года) изданием «Детских и домашних сказок»: 200 сказок и 10 «детских легенд».

«Стаканчик Богоматери»

Как-то раз возница, чересчур нагрузивший свою повозку бочками с вином, застрял с нею и, сколько ни бился, так и не сумел ее вытолкнуть. А той же дорогою как раз шла Мать Божья и, увидев, в какой нужде оказался этот бедняга, сказала ему: «Я устала и хочу пить, дай мне стаканчик вина, а я помогу тебе вытолкнуть телегу». — «Охотно, — отвечал возница, — вот только нет у меня стаканчика, чтобы налить тебе в него». Тогда Мать Божья сорвала белый цветок с красными полосками, который называется «вьюнок» и так похож с виду на стаканчик, и протянула его вознице. Тот наполнил этот бокал вином, Мать Божья выпила, и телега тут же освободилась, так что возница смог поехать дальше. А цветок и поныне зовут «стаканчиком Богоматери».

До сводного канонического издания составители шли полжизни: первое, намного более короткое издание, вышло двумя томами в 1812–1815 годах, и Якоб Гримм, отправившись в составе делегации от княжества Гессен-Кассель на Венский конгресс, ухитрился провести там нечто вроде презентации. Ему это казалось правильным: в обстановке полного замирения Европы после наполеоновских походов, реставрации монархии и восстановления границ самое время было подумать о сказках, воплощающих индивидуальный дух народа и напоминающих о единых корнях. Сказкам оба брата, и Якоб, и Вильгельм, придавали воспитательное значение, потому и адресовали их в первую очередь детям, хотя иные сказки сюжетно сложны, а многие первоначально содержали элементы, которые вполне могут быть отмечены наклейкой «16+», а то и «18+». Сказки-то сочиняют отнюдь не дети, а взрослые люди, из тех, что склонны и лопату называть лопатой, и все прочее — тоже точными именами. Из педагогических целей братья позднее процenzурировали аутентичные записи и практически полностью убрали из печатной версии эротику. Распущенные волосы Рапунцель-Колокольчик — вот и вся распущенность: простодушное удивление, отчего вдруг платье стало тесно, исчезло.

А насчет «жестокости» этих сказок озаботились лишь в XX веке, и в иных детских сборниках принялись их смягчать. Возможно, заодно лишили сказки и воспитательной сути: Честертон выступал в защиту страшных сказок, доказывая, что жестокая мачеха должна прокатиться в бочке, утыканной гвоздями, и подлые сестрицы — обути раскаленные башмаки, иначе

не будет удовлетворена главная детская потребность, жажда справедливости, и еще более первичная жажда смысла. Наказание должно следовать за преступлением: в мире, лишенном такой логики, жить гораздо страшнее, чем в мире, где Ад предусмотрен. Именно в таком мире, где зло будет покарано, среди сорной травы цветут «стаканчики Богоматери».

Так думал Честертон, а он читал эти сказки в детстве. И он, и даже его бабушки и дедушки — первый английский перевод вышел по горячим следам, еще в 1823 году. Практически одновременно вышло и французское издание, а в 1826 году Жуковский уже перевел две сказки с французского. Полное русское издание вышло в 1860-х годах, но со многими сказками был знаком и Пушкин, чему порукой «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Полагаясь на сказки как на хранилище народной памяти, братья Grimm отнюдь не подразумевали изоляционизма. Они охотно включали и те сюжеты, которые относятся к числу бродячих и вечных, и более того: иные сюжеты, ранее бытовавшие лишь в Германии, заимствовались уже из книги и превращались в достояние других народов. Так, в XX веке величайший специалист по сказочным сюжетам Владимир Пропп обнаружил в русской деревне полностью «одомашненные» вариации «Бременских музыкантов» и «Красной Шапочки», которых ранее в реестре русских мотивов не числилось. Впрочем, кто-нибудь сомневался в том, что именно «Красная Шапочка» и «Бременские музыканты» — наши? Только так и было.

Вот что имели в виду братья Grimm, говоря о народном духе сказки и ее основной роли в воспитании. Каждый народ уникален, и собрание сказок хранит эту уникальную память. Каждый народ уникален среди других народов, и собрание сказок хранит его связи с другими народами. Братья были не просто собирателями, но и учеными. Они исследовали отношения немецкой сказки со скандинавскими легендами, с саксонскими преданиями, влияние французов и итальянцев, славянский элемент. Сам способ, которым они собирали сказки, был таким же домашне-всемирным, как детство. Братья признали народными 18 прочитанных в детстве литературных сказок и обратились к соседям и соседкам в Касселе с просьбой записать, что тем запомнилось. К кругу родственников присоединили еще несколько надежных источников: две помещицьи семьи, возвращенные на побасенках няnek и горничных, пастухов и егерей; дочь

трактирщика; жену управляющего больницей. После первого издания взносы пошли со всех концов страны, расширяясь от Касселя, земли Гессен, в Вестфалию, а там и дальше, до Бремена с его музыкантами и до Швабии с потешными швабами. И поскольку «народ» братья отнюдь не ограничивали кругом людей необразованных, то проникли в их сборник и книжные, в том числе иноземных авторов мотивы, особенно из Шарля Перро. Позднее они отказались от «Синей Бороды» и «Кота в сапогах», но уж никак не от «Красной Шапочки».

Так и вошли в наше чтение «Сказки братьев Grimm» — насквозь немецкие и всецело общие. И если сложилось сыздетства некое представление о *сумрачном германском гении* — то о гении сказки. Внутри всех передрыг двухсотлетия от Венского конгресса — до какого нынче? — под страшными масками и гримасами всегда жива и животворит та пряничная детская страна.

Немецкой сказке отменно повезло, ибо к ней всегда относились не как к детской забаве, но всерьез. К ней возвращались многократно, в разные эпохи — проповедники охотно привлекали занятные побасенки в качестве примеров, век Просвещения тоже увидел в сказке немало полезного, и Иоганн Карл Музеус в 1782–1786 году издал «Народные сказки немцев» — иные из них были более народными, чем сказки братьев Grimm, в том смысле, что Музеус действительно собирал фольклор в деревнях и городах и отсеивал все, казавшееся иностранным или книжным заимствованием. Но в духе своего времени он считал необходимым осуществлять сложную литературную обработку сюжетов. Еще больший интерес к отечественным сказаниям проявил другой Иоганн Карл — Нахтигаль, почему-то стеснявшийся своей звучной фамилии («Соловей»): «Народные саги» он предпочел в 1800 году издать под псевдонимом Отмар.

Слово «саги» связывало немецкие легенды с общим германским наследием, в особенности скандинавским. Так именовал легенды и Вильгельм Grimm, посвятивший им ученый труд. Параллельно со сказками братья подготовили также сборник преданий под общим названием “Deutsche Sagen”, разделив его на исторический и географический отделы. В этом собрании они чаще ссылаются на уже опубликованные источники — не только Отмара, но и Бюшинга (1812), и Готтшалька (1814).

Любовь к местным легендам, с точно названным городом, горой, селом или озером, не случайно укореняется с началом XIX века. Тут-то и основная причина особого везения немецкой

сказки, того, что народная сказка для всех европейцев – в первую очередь германская, и только потом отечественная (англичане уже в середине XIX века грозились сократить братьев Гримм в детском чтении и заняться импортозамещением). Во всей Европе сказка – любимый жанр эпохи романтизма, первая половина XIX века жадно тянется к чудесным, а также к ироничным, чудовищным, странным сказаниям. И вера в народность – тоже общее место этой эпохи, так что собирательством сказок, их литературной обработкой занимались все дружно и практически одновременно. Однако в Германии эта эпоха совпала с недолгим пребыванием немецкоязычных областей в составе тогдашнего Евросоюза – Наполеоновской империи. Практически вся территория современной Германии и многие прилегавшие к ней области тоже с немецкой памятью были вырваны из своего благодушного самостоятельного бытия и вовлечены в мощное движение истории. А надобно учесть, что Германия на тот момент не была единой страной, но при полном сознании языковой и культурной общности представляла собой лоскутное одеяло княжеств, королевств, даже церковных областей. И когда «сорок сороков немецких отечеств» оказались вдруг провинциями или сателлитами стремительно наступавшей далее на восток империи, то пробудился и нежный интерес к своей малой и милой родине и потребность соотнести свое и общеевропейское. Тогда в Германии зародились индоевропейские исследования, проклюнувшиеся из понимания общности происхождения и культур, здесь составлялись первые своды универсальных мифов и первые компаративные словари (работа, в которой братья Гримм оказались одними из первопроходцев). И здесь же кинулись по крохам собирать именно местные сказания, успели вовремя, до того, как эти предания нивелировались в национальном государстве. Бременские музыканты остались бременскими.

Преемники братьев Гримм издавали по большей части не германские сказания, но легенды какой-то конкретной области или земли: на севере Германии работали Адальберт Кун и Вильгельм Шварц, с их опубликованным в 1848 году сборником успели свериться братья Гримм для канонического издания; Прёль обнародовал в 1853–1856 годах легенды Гарца, Антон Бирлингер успел собрать предания Швабии, этой огромной области, включавшей некогда и Баварию, и Баден-Вюртемберг, и многие кантоны Швейцарии, в 1860-е годы, последние годы независи-

мости. Иоганн Непомук фон Альпенбург в те же годы записывал тиролевские истории, Бернхард Баадер — «саги» земли Баден, Георг Шамбах и Вильгельм Мюллер объезжали Нижнюю Саксонию.

Ландграфы и курфюрсты, рыцари и мужики, бароны и разбойники и бароны-разбойники, римские императоры и средневековые кайзеры, черти, призраки, русалки и водяные, великаны и гномы, горные духи, лебеди и львы — все они живут тут, в малом пространстве, в великом времени. Прорастая корнями в родную землю, питают нас сладостью истиннейшего вымысла. Все мы вскормлены этим млеком — если не кровные, то молочные братья по сказке, по любви к родному, по европейской причудливой памяти.

*Любовь Сумм, к.ф.н., переводчица
с английского, немецкого, латыни*

СКАЗКИ

1. СКАЗКА О КОРОЛЕ- ЛЯГУШОНКЕ, ИЛИ О ЖЕЛЕЗНОМ ГЕНРИХЕ

старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь — и желание исполнялось, жил-был на свете король; и все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королева была так прекрасна, что даже само солнышко, так много выдавшее всяких чудес, — и то дивилось, озаряя ее личико. Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу, под старой липой, вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королева в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой свой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в ее протянутые ручки, а пролетел мимо, ударился оземь и прямо покатился в воду. Королева следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце! А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно. Стала тут королева плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться. Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королева?! От твоих слез и в камне жалость явится!..» Оглянулась она, чтоб узнать, откуда голос звучит, и увидела лягушку, которая высунула свою толстую, уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлёп! — сказала девушка. — Плачу я о своем золотом мячике, что в колодец упал!..» — «Успокойся, не плачь! — отвечала лягушка. — У меня-то средство найдется, чтоб горю твоему помочь; но

что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» — «Да все, что хочешь, милая лягушечка! — отвечала королевна. — Мои платья, жемчуг мой, камня самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу!» И отвечала лягушка: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила, и стала бы я везде тебя сопровождать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке; если ты мне все это обещаешь, я готова спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик!» — «Ну да, — отвечала королевна, — обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой вернула!» Она-то думала: «Пустое городит глупая лягушка! Сидеть ей в воде с подобными себе да квакать, а где уж ей быть человеку товарищем!»

Заручившись обещанием, лягушка исчезла в воде, опустилась на дно, а через несколько мгновений опять выплыла, держа во рту мячик, и бросила его на траву. Затрепетала от радости королевна, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! — закричала лягушка. — Возьми же меня с собой! Я не могу так бегать, как ты!» Куда тебе! Напрасно ей вслед во всю глотку квакала лягушка: не слушала беглянка, поспешила домой и... скоро забыла о бедной лягушке, которой пришлось несолоно хлебавши опять вернуться в свой колодец...

На следующий день, когда королевна с королем и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюда, — вдруг: шлеп, шлеп, шлеп, шлеп! Что-то зашлепало по мраморным ступеням лестницы и, добравшись до верха, стало стучаться в дверь: «Королевна, младшая королевна, отвори мне!» Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушку. Быстро хлопнула дверью королевна, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало. Увидел король, что сердечко ее сильно бьется, и сказал: «Дитячко мое, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» — «Ах нет! — отвечала она. — Не великан, а мерзкая лягушка!» — «Чего же ей нужно от тебя?» — «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла, упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала — лягушка мне достала его оттуда; и, когда она стала настойчиво требовать, чтобы нам быть отныне неразлучными,

я обещала; но ведь никогда я не думала, чтоб она могла из воды выйти! А вот она теперь тут, за дверью, и хочет войти сюда!»

Лягушка постучала вторично и голос подала:

Королевна-свет, меньшáя!
Что же ты не отворяешь?!
Иль забыла обеща́нья
У прохладных вод колодца?
Королевна-свет, меньшáя,
Что же ты не отворяешь?

Тогда сказал король: «Что ты обещала, то и должна исполнить; ступай — и отвори!» Она пошла и отворила дверь. Лягушка вскочила в комнату и, следуя по пятам за королевой, доскакала до самого ее стула; села подле стула и крикнула: «Подними меня до себя!..» Королевна все медлила, пока, наконец, король не приказал ей это исполнить. Едва лягушку на стул посадили, она уж на стол запросилась; посадили на стол, а ей все мало: «Придвинь-ка, — говорит, — свое блюдо золотое поближе ко мне, чтоб мы вместе покушали!..» Что делать?! И это исполнила она, хоть и с явной неохотой. Лягушка уплетала кушанья за обе щеки, а молодой хозяйке кусок в горло не лез. Наконец гостья сказала: «Накушалась я, да и притомилась! Отнеси же меня в свою комнатку да приготовь свою постельку пуховую, и ляжем-ка мы с тобою спать». Расплакалась королевна, и страшно ей стало холодной лягушки: и дотронуться-то до нее боязно, а тут она еще на королевниной мягкой, чистой постельке почивать будет! Но король разгневался и сказал: «Кто тебе в беде помог, того тебе потом презирать не годится!» Взяла она лягушку двумя пальцами, понесла к себе наверх и ткнула в угол. Но когда она улеглась в постельку, подползла лягушка и говорит: «Я устала, я хочу спать точно так же, как и ты; подними меня к себе, или я отцу твоему пожалуюсь!..» Ну уж тут королевна рассердилась до чрезвычайности, схватила ее и бросила, что было мочи, об стену. «Чай, теперь уж ты успокоишься, мерзкая лягушка!»

Упавши наземь, обернулась лягушка статным королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал он, по воле короля, милым товарищем и супругом королевны. Тут рассказал он ей, что злая ведьма чарами оборотила его в лягушку, и что никто на свете, кроме королевны, не в силах был его из колодца вызволить, и что завтра же они вместе поедут в его царство. Тогда они заснули, а на другое утро, когда их солнце пробудило, подъ-

ехала к крыльцу карета: лошади белые, с белыми страусовыми перьями на головах, сбруя вся из золотых цепей, а на запятках стоял слуга молодого короля, его верный Генрих. Когда повелитель его был превращен в лягушку, верный Генрих так опечалился, что велел сделать три железных обруча и заковал в них свое сердце, чтоб оно не разорвалось на части от боли да кручины. Но вот карета должна была отвезти молодого короля в родное царство; верный Генрих посадил в нее молодых, стал опять на запятки и был рад-радешенек избавлению своего господина от чар. Проехали они часть дороги, как вдруг слышит королевич позади себя какой-то треск — словно что-нибудь обломилось. Обернулся он и закричал:

— Что там хрустнуло? Карета?
— Нет! Цела, крепка она... А это
Хрустнул обруч на сердце моем:
Исстрадалось, бедное, о том,
Что в колодце был ты заключен —
Быть лягушкой навек обречен.

И еще, и еще раз хрустнуло что-то во время пути, и королевич в эти оба раза тоже думал, что ломается карета; но то лопались только обручи на сердце верного Генриха, потому что господин его был теперь освобожден от чар и счастлив.

2. КОШКА И МЫШКА

С мышкой познакомилась кошка и столько пела ей про свою великую любовь и дружбу, что мышка наконец согласилась поселиться с нею в одном доме и завести общее хозяйство. «Да, вот к зиме нужно бы нам наготовить припасов, а не то голодать придется, — сказала кошка. — Ты, мышка, не можешь ведь всюду ходить! Того гляди еще кончишь тем, что в мышеловку угодишь!..» Добрый совет был принят и про запас куплен горшочек жиру. Но не знали они, куда его поставить, пока наконец после долгих рассуждений кошка не сказала: «Я не знаю места для хранения лучше церкви: оттуда никто не отважится украсть что бы то ни было; мы поставим горшочек под алтарем и примемся за него не прежде, чем это нам действительно понадобится». Горшочек поставили на хранение в верном месте; но

немного времени прошло, как уже захотелось кошке отведать жирку, и говорит она мышке: «Вот что я все собиралась тебе сказать, мышка: звана я к сестре двоюродной на крестины; она родила сына, белого с темными пятнами, — так я кумой буду. Ты пусти меня сегодня в гости, а уж домашним хозяйством одна позаймись!» — «Да-да, — отвечаламышь, — ступай с богом; а если что вкусное скушать доведется, вспомни обо мне: я и сама бы не прочь выпить капельку сладкого красного крестинного винца...» Все это были выдумки: у кошки не было никакой двоюродной сестры, и никто не звал ее на крестины. Пошла она прямохонько в церковь, пробралась к горшочку с жиром, стала лизать и слизала сверху жирную пленочку. Потом совершила прогулку по городским крышам, осмотрелась кругом, затем растянулась на солнышке и облизывалась каждый раз, когда вспоминала о горшочке с жиром. Только ввечеру вернулась она домой. «Ну вот ты и вернулась! — сказаламышь. — Верно, весело денек провела!» — «Да, недурно», — отвечалакошка. «А как назвали новорожденного?» — «*Початочек*», — коротко отвечалакошка. «*Початочек?!* — воскликнуламышь. — Вот так удивительно странное имя! Или оно принято в вашем семействе?» — «Да о чем тут рассуждать?! — сказалакошка. — Оно не хуже, чем *Крошкочрад*, как зовут твоих крестников».

Немного спустя опять одолело кошку желание полакомиться. Она сказала мышке: «Ты должна мне сделать удовольствие и еще раз одна позаботиться о хозяйстве: я вторично приглашена на крестины и не могу отказать, так как у новорожденного отметина есть: белое кольцо вокруг шеи». Добраямышь согласилась, а кошка позади городской стены проскользнула в церковь и съела с полгоршочка жиру. «Вот уж именно ничто так не вкусно, как то, что сама в свое удовольствие покушаешь!» — сказала она и была очень довольна своей поденщиной. Когда она вернулась домой,мышь опять ее спрашивает: «Ну а как этого детеныша нарекли?» — «*Середочкой!*» — отвечалакошка. «*Середочкой?!* Да что ты рассказываешь?! Такого имени я отродясь не слыхивала и бьюсь об заклад, что его и в календаре нет!»

А у кошки скоро опять слюнки потекли, полакомиться захотелось. «Бог любит троицу! — сказала она мышке. — Опять мне кумой быть приходится! Детеныш весь черный, как смоль, и только одни лапки у него беленькие, а на всем туловище ни одного белого волоска не найдется! Это случается в два года раз: ты бы отпустила меня туда!» — «*Початочек! Середочка!* — отвечала

мышь. — Это такие имена странные, что меня раздумье берет!» — «Ты все торчишь дома, в своем темно-сером байковом халате и со своей длинной косицей, — сказала кошка, — и причудничаешь: вот что значит днем не выходить из дому». Мышка во время отсутствия кошки убрала комнатки и весь дом привела в порядок, а кошка-лакомка дочиста вылизала весь горшочек жиру. «Только тогда на душе и спокойно, когда все съешь!» — сказала она себе и лишь поздней ночью вернулась домой, сытая-пресытая. Мышка сейчас спросила, какое имя дали третьему детенышу. «Оно тебе, верно, тоже не понравится? — отвечала кошка. — Малютку назвали *Последышек!*» — «*Последышек!*» — воскликнула мышь. — Это самое подозрительное имя! Я его что-то в печати до сих пор не встречала! *Последышек!* Что бы это значило?!» Она покачала головкой, свернулась калачиком и легла спать.

С той поры никто уже кошку больше не звал на крестины, а когда подошла зима и около дома нельзя было найти ничего съестного, мышка вспомнила о своем запасе и сказала: «Пойдем, кисанька, попробемся к припасенному нами горшочку с жиром, то-то вкусно покушаем». — «О да, — отвечала кошка, — вкусно будет! Так же вкусно, как если бы ты свой тонкий язычок в окошко высунула!..» Они отправились, а когда дошли до цели, то нашли горшочек, положим, на своем месте, но совсем пустым. «Ах, — сказала мышь, — теперь я вижу, что случилось; теперь мне ясно, что ты мне истинный друг! Ты все съела, когда на крестины ходила: сперва почала, потом до середочки добралась, затем...» — «Замолчишь ли ты?! — вскричала кошка. — Еще слово — и я тебя съем!» У бедной мышки уже на языке вертелось: «*Последышек!*», и едва сорвалось у нее это слово, как одним прыжком подскочила к ней кошка, схватила ее и... проглотила. Вишь ты! И все так-то на свете бывает!..

3. ПРИЕМЫШ БОГОМАТЕРИ

На опушке большого леса жил дровосек со своею женой, и было у них единственное дитя, трехлетняя девочка. Были они так бедны, что даже без хлеба насущного сиживали и не знали, чем прокормить ребенка. Однажды поутру дровосек, подавленный своими заботами, отправился на работу в лес. Стал он там рубить дрова, как вдруг появилась перед ним прекрасная, высо-

кая женщина, с венцом из ярких звезд на голове, и сказала ему: «Я — Дева Мария, мать младенца Христа. Ты беден, обременен нуждою! Принеси мне свое дитя: возьму его с собою, буду ему матерью и стану о нем заботиться». Послушался ее дровосек, принес дитя свое и вручил его Деве Марии, которая и взяла его с собой на небо. Хорошо там зажило дитя: ело пряники сахарные, пило сладкое молоко, в золотые одежды одевалось, и ангелы играли с ним. Когда же девочке исполнилось четырнадцать лет, позвала ее однажды к себе Дева Мария и сказала ей: «Милое дитя, предстоит мне путь неблизкий; так вот, возьми ты на хранение ключи от тринадцати дверей Царства Небесного. Двенадцать дверей можешь отпирать и осматривать все великолепие, но тринадцатую дверь, что вот этим маленьким ключиком отпирается, запрещаю тебе отпирать! Не отпирай ее: не то будешь несчастною!» Девочка обещала быть послушной, и затем, когда Дева Мария удалилась, она начала осматривать обители небесного царства. Каждый день отпирала она по одной двери, пока не обошла все двенадцать обителей. В каждой сидело по одному апостолу, в великом сиянии, — и девочка радовалась всей этой пышности и великолепию, и ангелы, всюду ее сопровождавшие, радовались вместе с нею. И вот оставалась замкнутою только одна запретная дверь; а девочке очень хотелось узнать, что за нею скрыто, и сказала она ангелам: «Совсем отворять ее я не стану и входить туда не буду, а лишь приотворю настолько, чтобы мы хоть в щелочку могли что-нибудь увидеть!» — «Ах нет! — отвечали ангельчики. — Это был бы грех: Дева Мария запретила — и это может грозить нам великим несчастьем!» Тогда она замолкла, да желание-то в сердце ее не замолкло, а грызло и побуждало ее и не давало ей покоя. И однажды, когда все ангелы отлучились, она подумала: «Я одна-одинешенька теперь и могла бы туда заглянуть: никто ведь об этом не узнает». Отыскала она ключ и, взяв его в руку, вложила в замочную скважину, а вставив, и повернула. Мигом распахнулась дверь — и увидала она там Пресвятую Троицу, восседающую в пламени и блеске. Мгновение простояла девочка в изумлении, а затем слегка дотронулась пальцем до этого сияния — и палец ее стал совсем золотым. Тут ее охватил сильный страх, она быстро захлопнула дверь и убежала. Но что ни делала она, как ни металась — не проходил ее страх, сердце все продолжало биться и не могло успокоиться; да и золото не сходило с пальца, как она ни мыла и ни терла его.

Вскоре вернулась Дева Мария из своего путешествия, позвала к себе девочку и потребовала обратно ключи от неба. Когда девочка подавала связку, взглянула ей Приснодева в глаза и спросила: «Не отпирали ли ты и тринадцатую дверь?» — «Нет!» Тогда возложила ей Владычица руку свою на сердце, почувствовала, как оно бьется, и увидела, что запрещение было нарушено и дверь была отперта. В другой раз спросила Царица Небесная: «Вправду ль ты этого не делала?» — «Нет», — отвечала вторично девочка. Тогда взглянула Приснодева на палец ее, позлащенный от прикосновения к небесному пламени, и ясно увидела, что девочка согрешила, и спросила ее в третий раз: «Ты точно не делала этого?!» И в третий раз отвечала девочка: «Нет!» Тогда сказала Дева Мария: «Ты ослушалась меня, да вдобавок еще солгала, а потому недостойна дольше оставаться на небе!»

И девочка погрузилась в глубокий сон, а когда проснулась, то лежала внизу, на земле, среди пустынной глуши. Она хотела позвать на помощь, но не могла произнести ни звука. Вскочила она и хотела бежать, но, в какую сторону ни обращалась, везде был ей препятствием стоявший стеною густой терновник, чрез который она не могла прорваться. В этой глуши, где она оказалась как бы в плену, стояло старое дуплистое дерево: оно должно было служить ей жилищем. Туда вползала она и спала там с наступлением ночи; там же в дождь и грозу находила она себе приют. Но это была жалкая, плачевная жизнь — и горько плакала девочка, вспоминая о том, как ей хорошо было на небе и как с нею играли ангелы. Единственной пищей служили ей коренья и лесные ягоды. Осенью собирала она опавшие орехи и листья и относила их в свое дупло: орехами питалась во время зимы, а когда все кругом покрывалось снегом и льдом, она заползала, как жалкий зверек, в эти листья, чтоб укрыться от холода. Одежда ее скоро изорвалась и лохмотьями свалилась с ее тела. Когда же затем солнышко снова начинало пригревать, она выходила из своего убежища и садилась под деревом, со всех сторон покрытая своими длинными волосами, словно плащом. Так прозябала она год за годом, испытывая бедствия и страдания земного существования.

Однажды, когда деревья снова нарядились в свежую зелень, король той страны, охотясь в лесу, преследовал дикую козу и, так как она убежала в кусты, окаймлявшие прогалину со старым деревом, король сошел с коня, вырвал заросли и мечом прорубил себе в них путь. Пробившись наконец сквозь эти дебри, он уви-

дел дивно-прекрасную девушку, сидевшую под деревом и с головы до пят покрытую волнами своих золотистых волос. Он остановился, безмолвно, с изумлением вглядываясь в нее, а затем сказал ей: «Кто ты такая и зачем сидишь ты здесь, в пустыне?» Она ничего не отвечала, потому что уст не могла открыть. Король продолжал: «Хочешь ли ты идти со мной, в мой замок?» На это она отвечала только легким кивком головы. Тогда взял ее король на руки, донес до своего коня и поехал с нею домой, а когда прибыл в свой королевский дворец, приказал облечь ее в пышные одежды и всем наделил ее в изобилии. И хоть она говорить не могла, но была так пленительно-прекрасна, что король полюбил ее всем сердцем и немного спустя женился на ней.

Минуло около года, и королева родила сына. И вот ночью, когда она лежала одна в постели, явилась ей Дева Мария и сказала: «Если ты мне всю правду скажешь и повинись в том, что отворяла запретную дверь, то я открою уста твои и возвращу тебе дар слова; если же ты в грехе своем станешь упорствовать и будешь отрицать свою вину, я возьму у тебя твоего новорожденного ребенка». Королева получила возможность сказать правду, но она настаивала на своем и сказала: «Нет, я не отпирала запретной двери!» Тогда Пресвятая Дева взяла из рук ее новорожденного младенца и скрылась с ним. Наутро, когда ребенка нигде не могли найти, поднялся ропот в народе: «Королева-де людоедка, родное дитя извела!» Она все слышала, да ничего возразить против этого не могла; король же не хотел этому верить, потому что крепко любил ее.

Через год еще сын родился у королевы. И опять ночью вошла к ней Пресвятая Дева и сказала: «Согласна ли ты покаяться в том, что отпирала запретную дверь? Признаёшься — так я тебе первенца твоего отдам и возвращу дар слова; если же будешь упорствовать в грехе и отрицать вину свою — отниму у тебя и этого новорожденного младенца!» Снова отвечала королева: «Нет, не отпирала я запретной двери!» И взяла Владычица из рук ее дитя и вознеслась с ним на небеса. Наутро, когда вновь оказалось, что дитя исчезло, народ уже открыто говорил, что королева пожрала его, и королевские советники требовали суда над нею. Но король так ее любил, что все не хотел верить обвинению и повелел своим советникам под страхом смертной казни, чтоб они об этом и заикнуться не смели.

На следующий год родила королева прехорошенькую девочку — и в третий раз явилась ей ночью Пресвятая Дева Мария

и сказала: «Следуй за мною!» Взяла ее Владычица за руку, повела на небо и показала ей там обоих ее старших детей: они встретили ее веселым смехом и играли державным яблоком Святой Девы. Возрадовалась королева, глядя на них, а Пресвятая Дева сказала: «Ужели до сих пор не смягчилось твое сердце? Если ты признаёшься, что отпирала запретную дверь, я возвращу тебе твоих обоих сыночков!» Но королева в третий раз отвечала: «Нет, не отпирала я запретной двери!» Тогда Владычица снова опустила ее на землю и отняла у нее также третье дитя.

Когда на следующее утро разнеслась весть об исчезновении новорожденной королевны, народ громко завопил: «Королева — людоедка! Ее следует казнить!» И король уже не мог более противиться своим советникам. Нарядили над королевою суд, а так как она не могла ни слова в защиту свою вымолвить, то присудили ее к сожжению на костре. Навалили дров, и, когда вокруг королевы, крепко привязанной к столбу, со всех сторон стало подыматься пламя, растаял твердый лед ее гордыни и раскаяние наполнило ее сердце, она подумала: «О, если бы я могла хоть перед смертью покаяться в том, что отворяла дверь!» Тогда вернулся к ней голос и она громко воскликнула: «Да, Пресвятая Мария, я совершила это!» И в тот же миг полился дождь с небес и потушил пламя; ослепительный свет осиял осужденную, и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденной дочерью на руках и обоими сыночками по сторонам. И сказала ей Владычица ласково: «Кто сознаётся и раскаивается в своем грехе, тому грех прощается!» Отдала ей Приснодева всех троих детей, возвратила дар слова и осчастливила ее на всю жизнь.

4. СКАЗКА О ДОБРОМ МОЛОДЦЕ, КОТОРЫЙ СТРАХА НЕ ЗНАЛ

У одного отца было двое сыновей. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог. Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!» Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и, когда отец его за чем-нибудь посылал позднею порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места,

он отвечал: «Ах нет, батюшка, не пойду я туда! Очень уж боязно мне!» Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирает, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило? «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться! Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю!»

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка ты там, в углу! Ты и растешь и силы набираешься, надо же тебе научиться тоже какому-нибудь ремеслу, чтоб добывать себе насущный хлеб. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром кормить хлебом приходится!» — «Эх, батюшка! — отвечал тот. — Очень бы хотел я научиться чему-нибудь! Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться». Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Никогда пути не будет в нем! Кто хочет крючком быть, тот заранее спину гни!» Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь!»

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну подумайте только! Когда я спросил его, чем он станет себе хлеб зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» — «Коли за этим только дело стало, — отвечал дьячок, — так я берусь обучить его! Пришлите-ка его ко мне! Я его живо обработаю!..» Отец был этим доволен, в надежде что мало-мальского хоть сколько-нибудь обломают. Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол. Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну научишься же ты нынче страху!» Пробрался тихонько вперед, и, когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице, против слухового окна, очутился кто-то в белом. Он крикнул: «Кто там?» — но тот не отвечал и не шевелился. «Эй! Отвечай-ка! — закричал снова парень. — Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать!» Но дьячок продолжал стоять неподвижно, чтобы парень принял его за привидение. Вторично обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу

с лестницы!» Дьячок подумал: «Ну это ты, братец мой, только так говоришь!» — не проронил ни звука и стоял словно каменный. И в третий раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу. А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул. Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню!» — «Нет! — отвечал тот. — А вот на лестнице, против слухового окна, стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был? Мне было бы жаль, если бы это над ним стряслось!» Бросилась туда дьячиха и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: мужа моего сбросил с лестницы, так что, сердечный, ногу сломал! Возьмите вы негодя из нашего дома!» Испугался отец, прибежал к сыну и выбралил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал!» — «Ах, батюшка! Только выслушай меня! — отвечал тот. — Я совсем не виноват! Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и трижды уговаривал его ответить мне или уйти!» — «Ах, — возразил отец, — от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих! Видеть я тебя не хочу!» — «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху: авось узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит!» — «Учись чему хочешь, мне все равно! — сказал отец. — Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить!» — «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему! Это я легко могу соблюсти!»

На рассвете положил парень свои пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!» Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь. Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся!»

Садись под тем деревом и жди ночи: не оберешься страху!» — «Ну коли только в этом дело, — отвечал парень, — так оно не трудно! Если я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров, приходи только завтра рано утром сюда ко мне!» Затем подошел добрый молодец к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел себе костер; но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться. Ветер раскачивал трупы повешенных, они толкались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, каково же им мерзнуть и мотаться там, наверху?..» И как сердце у него было сострадательное, он приставил лестницу, взлез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтоб они могли согреться. Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям. Тут он рассердился: «Ну если вы остерегаться не хотите, то я вам не помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами!» И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул. Поутру пришел к нему встречный человек за получением пятидесяти талеров и спросил: «Ну что, небось знаешь теперь, каков страх бывает?» — «Нет, — отвечал тот, — откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что дали гореть на теле своим лохмотьям!» Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Еще первого я такого вижу!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!» Услыхал это извозчик, ехавший позади его, и спросил: «Кто ты таков?» — «Не знаю!» — отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» — «Не знаю!» — «Да кто твой отец?» — «Не смею сказать!» — «Что такое бормочешь ты себе под нос?» — «Я, видишь ли, хотел бы, чтоб меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить!» — отвечал парень. — «Не мели ты вздора! — сказал извозчик. — Ну-ка отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою!» Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собрались заночевать. Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня

только страх пробрал!» Услышав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай!» — «Ах, замолчи! — прервала его хозяйка. — Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый молодец перестал глядеть на белый свет!» Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу!» Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что невдалеке находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королевна-то краше всех на свете! В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся и любой бедняк ими обогатится. Много добрых молодцов ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся. На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке!» Король взглянул на парня, и так как тот ему приглянулся, то он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок». Парень отвечал: «Ну так я попрошу себе огня, токарный станок и резчий станок с резцом!»

Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил близ него резчий станок с резцом, а сам сел за токарный. «Эх, кабы меня только страх пробрал! — сказал он. — Да, видно, и здесь я тоже не научусь ему!..» Около полуночи вздумал он пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Ау, мяу! Как нам холодно!» — «Чего орете, дурачье?! — закричал он. — Если вам холодно, идите садитесь к огню и грейтесь!» Едва успел он это произнести, как две больших черных кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обе его стороны и стали дико глядеть на него своими огненными глазами. Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Товарищ! Не сыграем ли мы в карты?» — «Отчего же? — отвечал он. — Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы!» Они вытянули свои когти. «Э! — сказал парень. — Коготки у вас больно длинны! Погодите, я должен вам их сперва обстричь!» С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на резчий станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидал я ваши

пальцы, — сказал он, — и прошла у меня всякая охота в карты играть!» Он убил их и выбросил из окна в пруд. Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла повыскочили черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях — и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться. Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и собирались совсем разметать костер. Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпеж стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» — и бросился на них. Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел — и глаза стали слипаться, и стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» — и лег. Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку. «Вот это ладно! — сказал он. — Да нельзя ли поживей! Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, — во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз... Но вдруг — гоп-гоп!.. Кровать опрокинулась вверх ногами, и на парня словно гора налегла. Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну будет с меня! Пускай катается кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня. Поутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго молодца!» — сказал король. Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну до беды-то еще не дошло!» Удивился король, обрадовался и спросил, каково с ним было. «Превосходно, — отвечал тот, — вот уж минула одна ночь, а там и две другие пройдут!» Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя в живых! Ну что, научился ли страху?» — «Какое там! — отвечал парень. — Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня!..»

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче, затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! — закричал добрый молодец. — Надо бы еще половинку! Этой маловато будет!» Тут снова гомон поднялся, слышался топот и вой — и другая половина тоже выпала.

«Погоди, — сказал парень, — вот я для тебя огонь маленько раздую!» Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись — и на его месте сидел уже страшный-пре-страшный человек. «Это, брат, непорядок! — сказал парень. — Скамейка-то моя!» Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его со скамьи и сел опять на свое место. Тогда нападало сверху, один за другим, еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвых головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли. Парню тоже захотелось поиграть. «Эй вы, послушайте! — спросил он. — Можно ли мне присоединиться к вам?» — «Можно, коли деньги у тебя есть!» — «Денег-то хватит, да шары ваши не больно круглы!» Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, — сказал он, — теперь они лучше кататься будут! Валяйте! Теперь пойдет потеха!..» Поиграл парень с незваными гостями и проиграл немного; но как только пробила полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул. Наутро пришел король осведомиться: «Ну что с тобой творилось на этот раз?» — «Поиграл в кегли, два грошика проиграл!» — «Да разве тебе не было страшно?» — «Ну вот еще! — отвечал парень. — Позабавился, и только! Хоть бы мне узнать, что такое страх!..»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!» Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом на руках. «Эге-ге, — сказал парень, — да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший дня два тому назад!» Он поманил пальцем и крикнул: «Ну поди, поди сюда, братец!» Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодно как лед. «Погоди, — сказал он, — я тебя маленько согрею!» Подошел к огню, погрел свою руку и приложил ее к лицу мертвеца; но тот был холоден по-прежнему. Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы вызвать снова кровообращение. Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним. Немного спустя и покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь ли, братец, — сказал парень, — я и отогрел тебя!» Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушу тебя!» — «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя

благодарность?! Полежай же опять в свой гроб!» И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб. «Не пробирает меня страх, да и все тут! — сказал парень. — Здесь я страху веки не научусь!»

Тут вошел человек, еще громаднее всех прочих, и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой. «Ах ты, тварь этакая! — закричал он. — Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» — «Ну не очень спеши! — отвечал парень. — Коли мне умирать приходится, так без меня не обойдется дело!» — «Тебя-то уж я прихвачу с собою!» — сказала чудовище. «Потише, потише! Очень уж ты расхотелся! Я ведь также не слабее тебя, а то еще и посильней буду!» — «Это мы еще посмотрим! — сказал старик. — Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу; пойдем-ка попытаем силу!» И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю. «Эка невидаль?! Я могу и получше этого сделать!» — сказал парень и подошел к другой наковальне; старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защебил в нее бороду старика. «Ну теперь ты, брат, попался! — сказал он. — Теперь тебе помирать приходится!» Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства. Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненные золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая — королю, третья — тебе...» В это время пробил полночь, дух исчез, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда!» — сказал он, пощупал вокруг себя, отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня. Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось научился ты страху?!» — «Нет, — отвечал тот, — и ведать не ведаю, что такое страх! Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там, внизу, кучу денег, а страху меня никто не научил!» И сказал тогда король: «Хвала тебе, добрый молодец! Избавил ты замок от нечистой силы! Бери же себе дочь мою в жены!» — «Все это очень хорошо, — отвечал тот, — а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»

Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как ни любил он свою супругу и как ни был он всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!» Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось научится и он дрожать от страха!» Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пёскарей. Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пёскарями, которые так и запрыгали вокруг него. Проснулся тут молодой и закричал: «Ай, страшно мне, страшно мне, женушка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!..»

5. ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ

Была-жила старая коза, и было у нее семь козляток, и она их любила, как всякая мать своих деток любит. Однажды пришлось ей в лес собираться, за кормом; и вот она созвала всех своих козляток и сказала: «Милые детки, надо мне в лесу побывать, так вы без меня берегитесь волка! Ведь он если сюда попадет, то съест вас всех и со шкурой, и с шерстью. Этот злодей часто прикидывается, будто он и не волк, но вы его сейчас узнаете по его грубому голосу и по его черным лапам». Козлятки отвечали: «Милая матушка, уж мы поостережемся, и вы можете идти, о нас не тревожься». Тогда старая коза заблеяла и преспокойно пустилась в путь.

Немного прошло времени после ее ухода, как уж кто-то постучался в домовую дверь и крикнул: «Отомкнитесь, милые детушки, ваша мать пришла и каждому из вас по гостинцу принесла». Но козляточки по грубому голосу поняли, что это пришел к ним волк, и крикнули ему: «Не отомкнемся мы, ты не наша мать! У той голосок тонкий да ласковый, а у тебя голос грубый! Ты — волк!» Тогда волк сбегал к лавочнику, купил у него большой кусок мела, съел его — и голос стал у него тоненький. Вернулся опять к той же домовой двери, постучал в нее и крикнул: «Отомкнитесь, милые детки, ваша мать пришла, всем вам по гостинцу принесла». Но он оперся своими черными лапами о подоконник, детки это увидели и закричали: «Не отомкнёмся, у нашей матери не черные лапы, как у тебя! Ты — волк!»

Тогда волк побежал к пекарю и сказал: «Я себе повредил ногу, вымажь мне ее тестом». И когда пекарь исполнил его желание, волк побежал к мельнику и сказал: «Осыпь мне лапы белой мучкой». Мельник подумал: «Верно, волк затеял какую-нибудь плутню», — и стал было отговариваться; но волк сказал: «Если ты этого не сделаешь, то я тебя съем». Тогда мельник струхнул и выбелил ему лапу мучицей. Таковы-то бывают люди!

Вот и пошел злодей в третий раз к той же домово́й двери, постучался и сказал: «Отомкните́ся, детушки, ваша милая матушка воротилася и каждому из вас принесла по гостинчику из леса». Козляточки закричали: «Сначала покажи нам, какая у тебя лапа, чтобы мы могли знать, точно ли ты наша милая матушка!» Тогда показал он им лапу в окошко, и когда они увидели, что она, точно, белая, то поверили его речам и отомкнули дверь. А вошел-то волк! Козляточки перепугались — прятаться пометались. Один прыгнул под стол, другой забился в постель, третий залез в печку, четвертый убежал в кухню, пятый спрятался в шкаф, шестой — под корыто, седьмой — в футляр для часовых гирь. Однако волк всех их разыскал и не очень с ними чинился: одного за другим заглотнул он своею пастью, и только младшего никак не мог найти в часовом футляре. Накушавшись досыта, он преспокойно убрался из дома, растянулся на большом лугу под деревом и начал засыпать.

Вскоре после того вернулась старая коза из лесу домой. Ах, что она там увидела! Домовая дверь открыта настежь: стол, стулья, скамейки — опрокинуты, корыто — в щепы разбито, одеяло и подушки из постели повыброшены. Стала она искать своих деток, но нигде их найти не могла. Стала она их перекликать по именам; но никто не откликался. Наконец, когда она дошла до младшего, тоненький голосок прокричал ей: «Милая матушка, я забился в часовой футляр». Она тотчас добыла оттуда свое детище и услышала рассказ о том, как приходил волк и пожрал всех остальных козлят. Можете себе представить, как она оплакивала своих бедных детушек!

Наконец старая коза, в великой печали своей, пошла из дому, и младший козленочек побежал за ней следом. Чуть только они вышли на луг, коза увидела, что волк лежит вразяжку у дерева и так храпит, что над ним ветви от его храпа колышутся. Коза обошла и осмотрела его со всех сторон и увидела, что в его раздутом брюхе что-то шевелится и ворошится. «Ах, господи, — подумала она, — уж не мои ли это бедные детки? Он

ими поужинал, а они, видно, живехоньки!» Тогда она отправила козленочка домой за ножницами, иголкой и ниткой. Затем она взрезала чудовищу утробу, и чуть только взрезала — один козленочек уж высунул оттуда головенку; а как стала резать дальше, то все шестеро козлят выпрыгнули один за другим из волчьей утробы, и все были живехоньки и целехоньки, потому что чудовище, в своей алчности, глотало их целиком. То-то была радость! И стали они ласкаться к своей матушке и приплясывать около нее, словно портной на свадьбе! А старая коза сказала: «Теперь ступайте, соберите мне побольше булыжников, мы их навалим этому проклятому зверине в утробу, пока он спит». Семеро козляточек поспешно натаскали булыжников и набили их в утробу волка сколько влезло. А старая коза еще того скорее зашила ему разрез, так что он ничего не заметил и даже не пошевелился... Когда же наконец волк выпался, он поднялся на ноги, и так как каменный груз возбуждал у него в желудке сильную жажду, то вздумал он пробраться к ключу и напиться. Но чуть только переступил он несколько шагов, камни стали у него в брюхе постукивать друг о друга и позвякивать один о другой. Тогда он воскликнул:

Что там рокочет, что там громыкает,
Что оттянуло утробу мою?
Думал я, это козляток с полдюжины...
Слышу — теперь там одни гольши!

И когда он пришел к ключу и наклонился к воде, собираясь пить, тяжелые камни его перетянули, он упал в воду и погиб злою смертью. А семеро козляточек, увидав это, прибежали к матери с криком: «Волк издох! Волк утопился!» И вместе с матерью радостно плясали около ключа.

6. ВЕРНЫЙ ИОАНН

Жил-был однажды старый король и заболел, и пришло ему в голову: «Видно, лежу я на смертном одре и не подняться уж мне с него». Тогда сказал он: «Позовите ко мне моего неизменно верного Иоганна!» Этот Иоганн был его любимый слуга и так назывался потому, что всю жизнь служил ему верой и правдой. Когда же тот явился к постели короля, король сказал ему:

«Вернейший Иоганн, я чувствую, что мой конец приближается и нет у меня никакой иной заботы, кроме заботы о сыне; он еще совсем юн и не всегда сумеет жить по разуму, и если ты мне не обещаешь наставить его всему, что он должен знать, да не захочешь быть ему опекуном, то мне не придется закрыть глаза спокойно». Тогда отвечал верный Иоганн: «Я его не покину и буду служить ему верой и правдой, хотя бы пришлось за то поплатиться жизнью». На это король сказал: «Ну, значит, я могу умереть спокойно и с миром, — и затем продолжал: — После моей смерти ты должен ему показать весь замок — все покои, залы и подвалы и все сокровища, какие в них хранятся; но самого крайнего покоя в длинном коридоре ты ему не показывай — того, в котором сокрыто изображение королевы с золотой крыши. Как только он увидит это изображение, он воспламенится к королеве страстной любовью — пожалуй, еще в обморок упадет, — да из-за нее во всякие опасности полезет... От всего этого ты обязан его оберегать». Верный Иоганн еще раз поклялся старому королю, что исполнит его завет, и тот стал мало-помалу затихать, склонился головой на подушку и скончался.

Когда старого короля схоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю о том, в чем он поклялся его отцу на смертном одре, и добавил: «Все обещанное ему выполню добросовестно и буду тебе так же верно служить, как служил ему, хотя бы мне то стоило жизни». Когда же обычное время скорби минуло, верный Иоганн сказал королю: «Ну теперь пора тебе осмотреть все, что ты унаследовал: я покажу тебе весь замок отца твоего». И он повел его всюду, вверх и вниз, и показал ему все богатства и все дивные покои замка, не показал только одного покоя, в котором было сокрыто изображение королевы с золотой крыши. А это изображение было так поставлено, что, если отворить дверь, оно прямо бросалось в глаза; притом оно было так превосходно сделано, что его можно было принять за живое существо, и надо было сознаться, что во всем свете ничто не может быть ни милее, ни прекраснее этого женского образа. Юный король не мог, конечно, не заметить, что верный Иоганн все проходит мимо одной двери, и спросил: «Отчего же ты мне эту не отпираешь?» — «За эту дверь, — отвечал Иоганн, — есть нечто такое, чего ты можешь испугаться». Но король сказал ему: «Я весь замок видел, а потому и желаю знать, что там за дверью». Подошел сам к двери и хотел ее отворить силою. Тогда

верный Иоганн стал его удерживать и сказал: «Я отцу твоему перед его кончиною обещал, что ты не увидишь скрытое в этом покое; я знаю, что и тебя, и меня это могло бы повести к великим бедствиям». — «О нет! — отвечал юный король. — Если я не проникну в этот покой, то я, наверно, погибну: я и день и ночь буду жить в вечной тревоге, пока своими глазами не увижу того, что там скрыто! С места не сойду, — так и знай, — пока ты мне не отомкнешь этой двери!»

Тогда верный Иоганн увидел, что решение его непреклонно, и с великой скорбью и тяжкими вздохами выискал в толстой связке заветный ключ. Отомкнув дверь, он поспешил войти первый и думал прикрыть изображение, чтобы оно не бросилось в глаза юному королю. Но все было напрасно! Король приподнялся на цыпочки и глянул ему через плечо. И, как только увидел он изображение красавицы-королевы, которое было прекрасно и притом все блистало золотом и драгоценными камнями, так и грянулся в обморок. Верный Иоганн поднял его, снес на постель и стал тревожиться: «Вот, мол, стряслась беда! Господи Боже, что из этого выйдет?» И стал помаленьку отпаивать королевича вином, пока тот совсем не пришел в себя. Первым словом королевича было: «Ах! Кто эта красавица?» — «Это королева с золотой крыши», — отвечал верный Иоганн. «Моя любовь к ней так велика, — сказал юный король, — что если бы у каждого листка на дереве был свой язык, то и все они вместе не могли бы выразить моей любви; жизнь свою я посвящу на то, чтобы добиться ее руки. Ты мой вернейший слуга, и ты мне должен в этом деле помочь».

Верный слуга долго обдумывал, как бы ему приступить к этому делу, потому что мудрено было добиться даже возможности повидать королеву. Наконец он таки придумал способ действий и сказал королю: «Эта королева у себя в доме вся обставлена золотом: столы, стулья, блюда, чаши и кубки и вся домашняя утварь у нее золотая. У тебя в сокровищнице есть пять бочек золота; так прикажи твоим золотых дел мастерам одну из этих бочек золота перековать во всякую посуду и утварь, изготовить из того золота всяких птиц, лесных и разных диковинных зверей... Ей это понравится, и мы с тобой все это захватим с собою и поедem к ней попытать счастья». Король тотчас приказал созвать всех мастеров со своего царства, заставил их работать и день и ночь, пока наконец они не переработали все золото во множество прекрасных вещей. Когда все это было

погружено на корабль, верный Иоганн надел купеческое платье, и юный король тоже должен был последовать его примеру, чтобы их никто не мог узнать. Затем они поплыли по морю и плыли по нему, пока не доплыли до города, в котором жила королева с золотой крыши.

Верный Иоганн просил короля остаться на корабле и ждать его возвращения. «Легко может быть, — сказал он, — что я королеву с собой приведу на корабль, а потому позаботьтесь о том, чтобы все привести в порядок, всю золотую утварь расставьте и весь корабль приукрасьте». Затем он понабрал в свой фартучек различных золотых предметов, сошел с корабля на сушу и направился к королевскому замку. Когда он вступил во двор замка, то увидел, что у колодца стоит красивая девушка с двумя золотыми ведрами в руках и черпает этими ведрами воду. Она уже хотела отойти от колодца, наполнив ведра ярко блиставшей на солнце водой, обернулась, увидела чужанина и спросила: кто он такой? Он ответил: «Я купец», — и, приоткрыв свой фартучек, дал ей одним глазком глянуть на свой товар. Тогда она воскликнула: «Э, какие славные золотые вещи!» — и ведра поставила на землю и стала весь товар перебирать, штука за штукой. Тут она сказала: «Это все нужно показать королеве, которая так любит всякие золотые вещи, — она у вас все сейчас скупит». И она взяла его за руку и повела его вверх по лестнице замка, потому что она была королевниной прислужницей. Когда сама королева взглянула на товар, то она осталась им очень довольна и сказала: «Это все так прекрасно сработано, что я у тебя сразу все скуплю». Но верный Иоганн отвечал: «Я только слуга богатого купца, и то, что у меня здесь захвачено с собою, ничтожно в сравнении с тем, что находится у моего господина на корабле! То уж точно можно назвать и самым дорогим, и самым художественным из всего, что когда-либо было сделано из золота!» Она было захотела, чтобы ей все переносили в замок, но он отвечал: «На это много бы пришлось потратить дней, да, признаться, у вас в замке, пожалуй, не нашлось бы и места расставить столько сокровищ». Это, конечно, еще более возбудило ее любопытство и желание, так что она наконец сказала: «Веди меня на корабль, я сама хочу видеть сокровища твоего господина».

Тогда верный Иоганн повел ее к кораблю и был рад-радешенек, а король, увидев ее, убедился в том, что ее красота была еще выше красоты ее изображения. Он просто думал, что

у него сердце разорвется на части! Вот она взошла на корабль, и король ввел ее в каюту; а верный Иоганн остался на палубе, около кормчего, и приказал отчалить: «Поставьте, мол, все паруса — пусть корабль мчится по волнам, как птица по воздуху». А король-то между тем показывал ей в каюте всю золотую утварь, каждую штуку отдельно, — блюда, чаши и кубки, птиц золотых, лесного и всякого диковинного зверя. Много часов прошло в этом обзоре, и в великом своем удовольствии она и не заметила, что корабль давно уже плыл по морю. Когда королевна осмотрела последнюю вещь, она поблагодарила купца и собралась домой; но, приблизясь к борту корабля, она увидела себя вдали от берега: корабль на всех парусах летел в открытом море. «Ах! — воскликнула она в испуге. — Меня обманули, меня похитили, и я попала в руки купца! О, лучше уж умереть!» Король взял ее за руку и сказал: «Я — не купец, а король и по роду своему не ниже тебя... И если я решился похитить тебя хитростью, так это лишь по чрезмерной любви к тебе. Впервые увидав твое изображение, я даже в обморок упал!» Когда королевна с золотой крыши это услышала, она утешилась, и ощутила в сердце склонность к нему, и охотно согласилась быть ему супругою.

Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля и кое-что наигрывавший на скрипке, увидел у себя над головою в воздухе трех воронов, которые летели вслед за кораблем с королевниной родины. Тогда он перестал играть и стал прислушиваться, о чем они между собою переговаривались (он хорошо понимал их язык). Один ворон воскликнул: «Эге, вот он и везет к себе королевну с золотой крыши». — «Да, — сказал другой. — Везет-то везет — да доведет ли?» Третий вступился: «А все же она у него в руках и сидит у него в каюте!» Тогда опять первый речь повел: «А что проку? Чуть они причалят к берегу, ему навстречу выбежит конь золотисто-рыжей масти, и королевич захочет на него сесть, и если ему это удастся, то конь взмахнет с ним вместе в воздух, и никогда ему не видать больше своей суженой». Второй ворон спросил: «А разве спасения-то нет?» — «О да! Вот если другой вместо короля успеет вскочить на коня, вытащит из кобуры пистолю и насмерть убьет рыжего коня, тогда юный король спасен. Да кто это ведать может? И если даже проведает и скажет королю, то окаменеет от пальцев ног по колена». Тогда заговорил второй ворон: «Я, пожалуй, и больше этого знаю. Если конь

и будет убит — юный король все же еще не добьется руки своей невесты! Когда они вместе вступят в замок, там будет на блюде лежать богатая свадебная рубаха для жениха, на вид златотканая, а на самом-то деле — голая смола да сера! Как он ее на себя наденет, так она и прожжет его до мозга костей!» Третий ворон вступился: «Неужели и спасения нет?» — «Как не быть? — отвечал второй. — Стоит только кому-нибудь, надев рукавицы, схватить ту рубаху и швырнуть ее в огонь — и она сгорит, и юный король будет спасен! Да что в том проку? Ведь тот, кто это ведает, да ему скажет, — окаменеет от колен до самого сердца». Тогда заговорил третий: «Я больше того знаю! Если даже женихова рубаха и будет сожжена — все же ему не видать своей невесты: когда после свадьбы начнется пляска и юная королева станет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет замертво, и если кто-нибудь не догадается ее поднять и из правой ее груди высосать три капли крови и выплюнуть их, то она должна умереть! Ну а если бы кто, проведавши, выдал эту тайну, тот весь окаменеет, с маковки до мизинчика на ноге». Потолковав обо всем этом между собою, вороны полетели далее, и верный Иоганн отлично уразумел всю их беседу; но с той поры затих и загрустил: он понимал, что если он не откроет своему господину слышанное им, то юному королю грозят великие бедствия; а если откроет — сам должен поплатиться жизнью. Наконец он сказал себе: «Хоть самому погибнуть, а надо постоять за своего господина!»

Как только они причалили к берегу, случилось именно то, что предсказал ворон: откуда ни возьмись явился перед королевичем чудный конь золотисто-рыжей масти. «Вот и отлично! — сказал король. — На этом коне и поеду я в замок». И занес было ногу в стремя; но верный Иоганн быстро вскочил в седло, выхватил пистолю из кобуры и положил коня на месте. Тогда воскликнули все остальные слуги короля, которые, конечно, не очень были расположены к верному Иоганну: «Какой срам — убить такого красивого коня! Ведь он назначен был везти короля с берега в замок!» Однако же король сказал: «Извольте молчать и оставьте его в покое; это вернейший мой Иоганн, и кто знает, почему он так поступил?» Вот вступили они в замок, и там, в одной из зал, на блюде лежала совсем готовая рубаха для жениха и с первого взгляда казалась сотканною из серебра и золота. Юный король поспешил к блюду и хотел уже взять рубаху с блюда, но верный Иоганн отстранил его, скомкал рубаху в своих рукавицах, быстро поднес к огню и дал ей сгореть дотла. Остальные слуги стали опять ворчать и говорили: «Что же это такое? Вот уж он и королевскую свадебную рубаху сжег!» Но юный король и тут сказал: «Кто знает, почему именно это так нужно, — оставьте его, ведь это мой вернейший Иоганн». Вот и свадьбу стали играть: началась обычная пляска, и невеста стала также принимать в ней участие, а Иоганн все внимательно за нею следил и смотрел ей в лицо... Вдруг видит, она побледнела и замертво упала на пол. Тогда он поскорее подскочил к ней, подхватил ее на руки, снес в отдельную комнату, положил ее, стал около нее на колени и, высосав у нее из правой груди три капельки крови, выплюнул их. Она тотчас стала дышать и очнулась; но юный король все видел и, не зная, зачем так поступил верный Иоганн, прогневался на него и воскликнул: «Бросьте его в темницу!» На другое утро суд судил верного Иоганна и его повели под виселицу; и когда уж он стоял на верхней ступени лестницы и неминуемо должен был принять казнь, он сказал: «Каждый осужденный на смерть имеет право еще раз говорить перед концом; могу ли я тоже воспользоваться этим правом?» — «Да, — сказал король, — конечно, можешь!» Тогда верный Иоганн сказал: «Я осужден несправедливо: я всегда оставался тебе верен». И затем рассказал, как он на море подслушал беседу трех воронов и как сообразно с этим он вынужден был поступать. Тогда король воскликнул: «О, мой вернейший Иоганн, ты помилован! Помилован! Сведите его поскорее

сюда!» Но верный Иоганн при последнем слове своей речи пал наземь мертвый и обратился в камень.

Король и королева много о нем горевали, и король все говорил: «Ах, как это я мог так дурно вознаградить за такую великую преданность!» И приказал окаменелое изображение Иоганна поставить в своей опочивальне, рядом с кроватью. Как только, бывало, взглянет на него, так и заплачет, и скажет: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший слуга, Иоганн!» По прошествии некоторого времени королева родила близнецов, двух мальчиков, которые стали подрастать и радовали своих родителей. Однажды, в то время как королева была в церкви и близнецы сидели и играли в опочивальне отца, тот еще раз в глубокой скорби взглянул на окаменелого Иоганна и воскликнул: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший Иоганн!» И вдруг камень заговорил и сказал: «Да, ты можешь оживить меня, если не пожалеешь для этого пожертвовать тем, что для тебя милее всего на свете!» — «О, все, что только есть у меня, — воскликнул король, — всем я для тебя готов пожертвовать!» И камень продолжал говорить: «Если ты собственной рукою отрубишь головы твоим двум детям и вымажешь меня их кровью — тогда я оживу вновь». Король сначала испугался, услышав, что он должен своей собственной рукою умертвить своих милых детей, но потом вспомнил о великой преданности верного Иоганна и о том, что ради его спасения тот пожертвовал своей жизнью, — выхватил меч и отрубил детям головы. И когда он их кровью обмазал окаменевшего Иоганна, жизнь вернулась в камень и верный Иоганн стал перед ним снова бодрый и здоровый. Он сказал королю: «Твоя верность мне не может остаться без награды!..» — и с этими словами взял головы детей, приставил их на прежнее место, смазал разрезы их же кровью — и те вмиг ожили, стали прыгать кругом и играть, как будто им ничего и не приключилось дурного. Король очень обрадовался, и когда увидел, что королева возвращается из церкви, то спрятал и верного Иоганна, и обоих детей в большой шкаф. Когда та вошла, он спросил ее: «Молилась ли ты в церкви?» — «Да, — отвечала она, — но я постоянно думала о верном Иоганне, который из-за нас накликал на себя беду». Тогда сказал он: «Милая жена! Мы можем возратить ему жизнь, но дорогою ценою: ценою жизни наших обоих сыночков!» Королева побледнела и ужаснулась в сердце своем, однако сказала: «Мы обязаны для него это сделать ради его великой предан-

ности». Тогда он обрадовался, что и она думает с ним заодно, подошел к шкафу, отпер его и вывел из него и детей, и верного Иоганна и сказал: «Богу хвала! И он спасен, и наши сыночки возвращены нам!» Тут только рассказал он королеве, как было дело. И с той поры они жили в великом благополучии до самой своей смерти.

7. ВЫГОДНЫЙ ОБОРОТ

Мужик однажды стащил свою корову на базар и продал ее там за семь талеров. На обратном пути он должен был проходить мимо одного пруда, из которого далеко кругом разносилось кваканье лягушек: «Ква-ква-ква-ква!» — «Ну да! — стал он говорить сам себе. — Мелют по-пустому: семь талеров я выручил, а не два!» Подойдя к самой воде, он и лягушкам крикнул: «Глупое вы зверье! Небось лучше меня знаете? Семь талеров, а не два!» А лягушки-то все на своем: «Ква-ква-ква!» — «Ну коли вы не верите, так я вам сочту». Вытащил деньги из кармана и пересчитал все семь талеров, раскладывая по двадцать четыре гроша на каждый. Однако же лягушки не сошлись с ним в счете и опять тянули ту же песню: «Ква-ква-ква!» — «Коли так, — крикнул мужик, разгневавшись, — коли вы полагаете, что знаете дело лучше меня, так нате же, считайте сами!» — и швырнул им деньги всей кучей в воду. Он постоял на берегу некоторое время и намерен был обождать, пока они справятся со счетом и возвратят ему его деньги, но лягушки настаивали на своем, продолжая по-прежнему голосить: «Ква-ква-ква», да и денег тоже ему не возвращали. Подождал он и еще немало времени, пока не наступил вечер и не понадобилось ему идти домой; тогда он выругал лягушек и крикнул им: «Ах вы, водошлёпницы! Ах вы, толстоголовы, пучеглазы! Рыло-то у вас широко и кричать вы горазды, так что от вас в ушах трещит, а семи талеров пересчитать не умеете! Или вы думаете, что так я вот тут буду стоять и дожидаться, пока вы со счетом справитесь?» И пошел прочь от пруда; а лягушки-то ему вслед: «Ква-ква-ква», так что он и домой пришел раздосадованный.

Сколько-то времени спустя выторговал он себе и еще корову, заколол ее и стал рассчитывать, что, если бы ему удалось

выгодно продать ее мясо, он бы столько выручил за него, сколько стоили ему обе коровы, да еще шкура у него в барышах бы осталась. Когда он с мясом стал подъезжать к городу, то перед самыми городскими воротами наткнулся на целую стаю собак, сбежавшихся сюда. И впереди всех огромная борзая; так и прыгает около мяса, и разнюхивает, и лает: «Дай, дай, дай!» Так как она все прыгала и все лаяла, то мужик сказал ей: «Ну да! Вижу я, что ты недаром говоришь: дай, дай, а потому, что говядинки хочешь... Ну хорош же я был бы, кабы точно взял да и отдал бы тебе говядину!» А борзая все то же: «Дай, дай». — «Да ты скажи мне: ты ее не сожрешь сама и за товарищей своих ответишь?» — «Дай, дай», — лаяла по-прежнему собака. «Ну коли ты на этом настаиваешь, так я тебе говядину оставлю; я тебя знаю и знаю, у кого ты служишь; но я тебя предупреждаю: через три дня чтобы мне были готовы деньги, не то тебе плохо придется: ты можешь их мне и сюда вынести». Затем он свалил говядину на месте и повернул домой; собаки тотчас на нее набросились с громким лаем: «Дай, дай!» Мужик, издали прислушиваясь к этому лаю, сказал себе: «Ишь, теперь все от него своей доли требуют; ну да мне за всех одна эта большая ответит».

Когда минуло три дня, мужик подумал: «Сегодня вечером у тебя деньги в кармане», и очень был этим доволен. Однако же никто не приходил и денег не выплачивал. «Ни на кого-то теперь положиться нельзя», — сказал он; наконец потерял терпение, пошел в город к мяснику и стал от него требовать своих денег. Мясник сначала думал, что он с ним шутки шутит; но мужик сказал: «Шутки в сторону: мне деньги нужны! Разве ваша большая собака дня три тому назад не приволокла сюда моей битой коровы?» Тогда мясник разозлился, ухватился за метловище и выгнал его вон. «Погоди ужо! — сказал мужик. — Есть еще и справедливость на свете!» — и пошел в королевский замок и выпросил себе у короля аудиенцию. Привели его к королю, который сидел рядом со своей дочерью, и спросил его, какой ему ущерб учинился? «Ах, — сказал тот, — лягушки и собаки отняли у меня мою собственность; а резник меня же за это палкой попотчевал». — И подробно рассказал, как было дело. Королевна, услышав его рассказ, не выдержала — расхохоталась громко, и король сказал ему: «Рассудить твоего дела я не могу; но зато ты можешь взять дочь мою себе в жены; она еще отродясь не смеялась, только вот сегодня ты ее рассмешил, а я обе-

шал ее тому в жены, кто сумеет ее рассмешить. Ну вот и благодари Бога за свое счастье!» — «О! Да я вовсе и не желаю на ней жениться! — отвечал мужик. — У меня дома уже есть одна жена, да и той одной мне девать некуда! Если я еще на твоей дочке женюсь да домой вернусь, так что же мне — по уголкам их, что ли, расставлять прикажешь?» Тут король не на шутку прогневался и сказал: «Ты — грубиян!» — «Ах, господин король, — возразил мужик, — вестимое дело: на свинке не шелка, а щетинки!» — «Ладно-ладно, — отвечал король, — я тебе другую награду назначу. Теперь проваливай, а денька через три возвращайся, тогда тебе все пятьсот отсыпят сполна».

Когда мужик стал выходить из замка, один из стражи королевской сказал ему: «Ты королевну нашу рассмешил, так уж, верно, получишь за это хорошую награду». — «Кажись, что не без того, — отвечал мужик. — Пять сотен мне будут выплачены». — «Слышь-ка, — сказал солдат, — удели мне малую толику! Ну куда тебе такая уйма денег!» — «Ну разве уж для тебя — куда ни шло! Получай двести! Так-таки заявись к королю денька через три и прикажи тебе именно столько выплатить!» Жид, случившийся поблизости и подслушавший их разговор, побежал за мужиком вслед, ухватил его за полу платья и говорит: «Ай-ай-ай, что вы за счастливчик такой! Я вам эти деньги разменяю, я вам их мелочью выплачу, куда вам с этими битыми талерами возиться?» — «Мойше, — сказал мужик, — триста еще есть на твою долю, только заплати их мне сейчас мелкой монетой; дня через три король тебе их непременно уплатит». Жид обрадовался барышку и выплатил мужику всю сумму стертými слепыми грошами — такими, что три гроша двух хороших не стоят.

По прошествии трех дней мужик, согласно приказу короля, явился пред его ясные очи. «Ну снимай с него платье долой, — сказал король, — он должен получить свои пять сотен сполна». — «Ах, — сказал мужик, — эти пять сотен уже не принадлежат мне: две сотни подарил я солдату вашей стражи; а за три сотни жид уж уплатил мне мелочью, — так, по справедливости, мне уж ничего получать не следует». И точно: явились к королю и солдат, и жид, и стали требовать своей доли в награде мужика, и получили надлежащее количество ударов. Солдату это было дело знакомое, и он вынес свою порцию терпеливо; а жид все время жалобно кричал: «Ай, вей мир! Ай, какие крепкие

талеры!» Король, конечно, посмеялся проделке мужика, и как уж гнев-то его прошел, он сказал: «Так как ты свою награду потерял еще ранее, нежели получил ее, то я тебя вознагражу иначе: ступай в мою казну и возьми себе денег сколько хочешь». Мужик не заставил себе этого дважды повторять и набил в свои глубокие карманы сколько влезло. Потом пошел в гостиницу и стал считать деньги. Жид туда же за ним приполз и слышал, как тот ворчал себе под нос: «А ведь этот плут король все же провел меня! Дай он мне денег сам, так я бы по крайности знал, что у меня есть! А теперь как я могу наверно знать, сколько я наудачу в карман насыпал?» — «Ай-ай, — залепетал про себя жид, — да он непочтительно смеет говорить о нашем государе! Побегу и донесу на него, тогда и я награду получу, и он будет наказан!» И точно, когда король услышал о речах мужика, то пришел в ярость и приказал жиду пойти и привести провинившегося. Жид побежал к мужику. «Пожалуйте, — говорит, — тотчас к господину королю; как есть, так и ступайте». — «Нет, уж я лучше знаю, как к королю идти следует, — отвечал мужик. — Сначала я велю себе сшить новое платье. Или ты думаешь, что человек, у которого так много денег в кармане, может идти к королю в каком-нибудь старье?» Тут жид увидел, что мужик заупрямился и без нового платья к королю не пойдет; а между тем, пожалуй, и гнев у короля пройдет: тогда ни ему награды, ни мужику наказания не будет. Вот и подъехал к мужику: «Я-де вам из одной дружбы могу на короткое время чудесное платье ссудить; отчего человеку не услужить по душе!» Мужик на это не возражал, надел платье, данное жидом, и пошел за ним в замок. Король потребовал у мужика отчета в тех непочтительных речах, о которых донес ему жид. «Ах, — сказал мужик, — ведь уж известное дело: жид что ни скажет, то совет... От него разве можно правды ждать? Ведь вот он, пожалуй, станет утверждать, что я его платье надел!» — «Ай, вей! Что такое? — закричал жид. — Разве платье не мое? Разве я не из одной дружбы вам его ссудил на время, чтобы вы могли перед господином королем явиться?» Услышав это, король сказал: «Ну кого-нибудь из нас двоих — либо меня, либо мужика — жид все-таки надул!» И приказал ему еще отсчитать малую толику битыми талерами. А мужик отправился домой и в новом платье, и с деньгами и говорил себе по пути: «Ну на этот раз я, кажись, в самый раз угодил».

8. ДИВНЫЙ МУЗЫКАНТ

Жил-был дивный музыкант, и случилось ему однажды одному-одинешеньку идти по лесу, и думал он всякие думы, а когда все передумал, то сказал сам себе: «Скучно мне здесь, в лесу, одному — дай-ка я себе какого-нибудь товарища добуду». И вытащил из-за спины скрипку и заиграл на ней так, что гул пошел меж деревьев. Немного времени прошло, видит, бежит к нему волк из чащи. «Ах, волк ко мне бежит! Такого товарища мне не надо», — сказал музыкант. Однако же волк приблизился к нему и сказал: «Любезный музыкант, что ты это такое хорошее наигрываешь? Я бы и сам хотел такой музыке научиться!» — «Мудрено ли научиться? — ответил музыкант. — Ты только должен все то делать, что я тебе прикажу». — «О, да я тебе, как ученик мастеру, во всем буду послушен», — отвечал волк. Музыкант велел ему за собою следовать, и когда они прошли часть пути вместе, то пришли к старому дубу, который был внутри пуст, а посередине дал трещину. «Вот, смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то клади передние лапы в эту трещину». Волк повиновался, а музыкант быстро схватился за камень и одним ударом так крепко забил ему обе лапы в трещину, что тот должен был тут и остаться, как пленник на привязи. «Подожди здесь, пока я опять сюда приду», — сказал музыкант и пошел своей дорогой.

Несколько времени спустя опять сказал он себе: «Мне здесь, в лесу, скучно, авось я себе другого товарища добуду», — взялся за скрипку, и опять ее звук раздался по лесу. Откуда ни возьмись лисица из-за деревьев выскользнула. «А! Лисица сюда бежит! — сказал музыкант. — И такой товарищ мне не надобен». А лисица подошла к нему и заговорила: «Милый музыкант! Что это ты такое хорошее наигрываешь? Я бы и сама этому поучиться готова». — «Немудрено и выучиться, — сказал музыкант, — ты только должна выполнять все то, что тебе прикажу». — «О, господин музыкант! — отвечала лиса. — Я тебя буду слушаться, как ученик слушается мастера». — «Так ступай за мной», — сказал музыкант, и, после того как они прошли часть пути вместе, они вышли на тропинку, с обеих сторон которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, с одной стороны тропинки нагнул ореховое деревцо вершиной к земле и на самый его кон-

чик ногой наступил; а затем и с другой стороны нагнул так же точно еще одно деревцо и сказал: «Ну вот, лисанька, если ты хочешь у меня чему-нибудь научиться, так дай мне твою левую переднюю лапу». Лисица повиновалась, и музыкант привязал ей лапу к левому деревцу. «Лисанька, — сказал он затем, — теперь дай правую лапу!» — и ту привязал к правому деревцу. И когда он, внимательно осмотрев узлы, убедился в том, что они завязаны крепко, то выпустил деревца из-под ног — те разогнулись и вздернули лисаньку вверх... Закачалась, голубушка, завертелась! «Погоди здесь, пока я сюда опять вернусь!» — сказал музыкант и пошел своей дорогой.

И опять сказал он себе: «Скучно мне в лесу; надо мне добыть себе товарища», — взялся за скрипку, и звуки ее снова огласили лес. А из лесу заяц бежит. «Ну заяц бежит! — сказал музыкант. — Этого я тоже не хотел вызвать!» — «Ах, милый музыкант! — сказал зайчик. — Что ты это так хорошо наигрываешь? Я бы и сам этому не прочь научиться!» — «Выучиться нетрудно, — сказал музыкант. — Вся сила в том, чтобы ты выполнял все мои приказания». — «О, господин музыкант, — сказал зайчик, — да я тебе буду повиноваться во всем, как ученик своему мастеру!» Пошли они дорогою, дошли до прогалины в лесу, среди которой росла осина. Музыкант привязал зайчику длинную тесьму на шею, а другим концом закрепил ее к осине. «Ну живо, веселее, зайчик, обскачи раз двадцать кругом дерева», — крикнул музыкант, и зайчик повиновался, и когда он двадцать раз обскакал кру-

гом дерева, то тесьма двадцать раз кругом дерева окрутилась, и зайчик оказался к нему крепко-накрепко привязанным и мог тянуть и рваться сколько угодно — только тесьма въедалась ему глубже в мягкую шею. «Ну вот и жди, пока я вернусь сюда!» — сказал музыкант и пошел дальше.

А волк между тем и бился, и рвался, и зубом камень пробовал, и добился-таки того, что высвободил лапы и вытащил их из расщелины дуба. Ярый и злобный, поспешил он вслед за музыкантом, готовый растерзать его. Как завидела его лисица, давай визжать и кричать что есть мочи: «Брат волк, приди мне на помощь, меня музыкант обманул!» Волк пригнул деревца книзу, перегрыз веревки и освободил лисицу, которая пошла вместе с ним и тоже хотела мстить музыканту. По пути нашли они и зайца, привязанного к осине, также освободили и его, и затем уже все вместе стали искать своего врага.

Музыкант между тем на пути своем через лес еще раз заиграл на своей скрипке, и на этот раз ему посчастливилось. Звуки его скрипки услышал бедняк-дровосек, который тотчас волей-неволей покинул свою работу и пришел с топором под мышкой слушать его музыку. «Ну вот наконец идет ко мне настоящий товарищ! — сказал музыкант. — Я ведь человека искал, а не диких зверей». И заиграл так прекрасно, так задушевно, что бедняк-дровосек и с места сойти не мог, словно заколдованный, и на сердце у него было так радостно... Как раз в это время подошли и волк, и лисица, и заяц, и дровосек сразу заметил, что у них недоброе на уме. Тогда поднял он свой блестящий топор и выступил вперед, как бы желая выразить: «Кто против него задумал, тот берегись — тому со мной придется иметь дело». Тогда звери струхнули и побежали обратно в лес, а музыкант еще поиграл в благодарность дровосеку за оказанную им защиту и пошел своим путем.

9. ДВЕНАДЦАТЬ БРАТЬЕВ

Жили да были король с королевой; жили они в согласии и прижили двенадцать человек детей — и все были мальчуганы. Вот король и говорит королеве: «Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочка, то всех двенадцать мальчишек велю убить, чтобы и богатства у ней было больше, и все